

УДК 81'282: 81'342

НЕСОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ И ЦЕННОСТЕЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ЯЗЫК¹

Елена Валентиновна Ерофеева

д. филол. н., заведующий кафедрой теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. elevaer@gmail.com

В статье обсуждаются лингвистические методы, используемые для изучения таких социальных структур, как идентичности и ценности. Обосновываются методологические подходы обращения в социологических исследованиях не только к дискурсивному анализу, но и к изучению языкового сознания, в частности – ментального лексикона. На примере анализа ментального лексикона трех групп информантов – русских, коми-пермяков и татар – показано, что ментальный лексикон отражает социальные ценности и идентичности. Обсуждается также вопрос о влиянии языка на перестройку социальных ценностей у билингов.

Ключевые слова: социальные идентичности; социальные ценности; методы исследования; ментальный лексикон; актуальный лексикон; билингвизм; русские; коми-пермяки; татары.

Социоллингвистика как наука занимается проблемами взаимоотношения языка и социума и, как следует из названия и декларируется в учебниках и словарях, является областью, возникшей на стыке языкознания и социологии. Тем не менее взаимоотношения социологии и лингвистики в социоллингвистике далеко не равноправные: социоллингвистика все-таки лингвистическая дисциплина, которая опирается на данные социологии и использует социологические методы исследования; обратного влияния практически не происходит.

В целом, понимание важности языка как социального инструмента в социологии есть. В социальном конструкционизме как направлении социологии особо подчеркивается, что язык является фактором социализации и фиксации социального опыта. Так, К. Джерджен писал по этому поводу, что знание о социальной жизни следует рассматривать как трансформацию опыта в лингвистическую, языковую реальность: создавая свой собственный образ, человек применяет набор языковых конструктов, существующих в его культуре, которые и определяют его действия в контексте социальных отношений с другими людьми [Gergen 1994]. Этой позиции придерживаются и другие социологи и представители социальной психологии (см., например: [Бергер, Лукман 1995; Филлипс, Йоргенсен 2004;

Якимова 1999; Greenwood 1989; Tajfel, Turner 1986; Texts of identity 1989 и др.]). Однако из всего арсенала лингвистических методов социальный конструкционизм использует только дискурс-анализ.

Интерес к языку наблюдается и в культурной антропологии. Например, изучая субкультуры, Т.Б. Щепанская рассматривает их как коммуникативные системы, уделяя внимание и вербальному коду субкультур [Щепанская 2004]. Интересно, что трактовка вербальных кодов тем не менее происходит с точки зрения социологии – они рассматриваются как вербальные стереотипы, а анализ сленга сводится к перечислению используемых элементов и их функций в речи социальной группы [там же].

Таким образом, несмотря на интерес к языку и дискурсивным практикам, социология опирается на данные языкознания в очень малой степени, а что касается лингвистических методов исследования, то они, за исключением, пожалуй, дискурс-анализа, вообще не задействованы в социологии и социальной психологии. При этом обнаруживается определенное противоречие: с одной стороны, лидеры социальной психологии призывают использовать языковые данные (см. например: «До тех пор пока мы не выясним, что считают гневом, дружбой, безрассудным поведением или оправданием поступков в том или ином

обществе, мы не можем заняться строгим исследованием условий, в которых осуществляются данные явления. <...> в любом случае изучение человеческого поведения должно начинаться с социолингвистического анализа языковых игр, конституирующих социальную реальность» [Харре 1995: 91]); с другой – наблюдается стойкое предубеждение к привлечению иных лингвистических данных, кроме дискурсивных («<...> мы вообще можем оставить в стороне тему психологического базиса языка <...> и сосредоточиться на “исполнительских” аспектах языка в контексте человеческих отношений» [Джерджен 1995: 63]).

Такая ситуация связана, на наш взгляд, с тем, что сущность и природа языка не в полной мере понятны представителям смежных с лингвистикой дисциплин. Язык не может рассматриваться только как «исполнение» (речь, языковой материал, текст, дискурс и т.п.). Он одновременно является и когнитивным языковым механизмом (языковой способностью, речевой организацией индивида и т.п.), и социальной системой (языковой системой). Все аспекты языка взаимообусловлены и являются проявлениями единого механизма. Отказ от рассмотрения разных сторон одного явления не продуктивен (что, собственно, уже было показано историей структурализма в лингвистике, когда отказ касался как раз изучения дискурса). Если мы можем изучать социальные отношения по дискурсу, то и другие аспекты языка позволяют это делать.

В данной статье мы постараемся показать, что исследование как минимум некоторых социальных явлений – социальных идентичностей, ценностных установок и социальных стереотипов – возможно не только через анализ дискурса, но и через изучение когнитивных языковых структур (а именно – через анализ ментального лексикона) с применением психолингвистических методов.

Социальные идентичности, ценностные установки, социальные стереотипы – явления не тождественные, но тесно между собой связанные.

Социальная идентичность – это аспект «мы» в нашей «я»-концепции, частичный ответ на вопрос «Кто я такой?», основанный на принадлежности к той или иной группе [Майерс 2007]. Это те аспекты индивидуального самосознания, которые проистекают от принадлежности к социальным категориям и идентификации с ними и становятся заметными в тех контекстах, где эти социальные категории принимают важное значение [Джери Д., Джери Дж. 1999: 228–229]. Социологи едины в следующих положениях, касающихся социальной идентичности:

- социальных идентичностей у человека много, он соотносит себя с разными социальными группами на разных основаниях;
- идентичности выстраиваются в иерархию, которая может меняться в зависимости от контекста;
- человек разделяет нормы, ценности и ценностные установки той группы, с которой он себя идентифицирует.

Именно **ценностные установки** являются основой социальной идентичности. Ценностные установки – совокупности оценок и предпочтений по отношению к тем или иным объектам и явлениям действительности – признаются в социальной психологии важным компонентом структуры личности. Существенную разницу между собственно индивидуальными ценностями и ценностными установками составляет социальный, приобретаемый в рамках группового опыта характер последних. Ценностные установки не являются результатом личного опыта, но приобретаются в результате социализации в том или ином социуме [Арте, 2001: 609]. Ценностные установки являются «образцами» для поведения, они связаны с активностью человека, обеспечивая ему устойчивый «каркас» поведенческих моделей, полученных на основании группового опыта.

Социальные стереотипы – «упрощенные, схематизированные образы социальных объектов, разделяемые достаточно большим числом членов социальных групп» [Стефаненко: электр. ресурс]. Согласно У. Липпману, предложившему этот термин еще в 1922 г., стереотипы являются культурно обусловленными «картинками мира» в голове человека, которые служат экономии усилий человека при восприятии сложных социальных объектов и защите его ценностей [Липпман 2004]. Связь стереотипов с ценностными установками подчеркивали многие социологи и психологи и после У. Липпмана. Например, в «Словаре по конфликтологии» С.Б. Давлетчиной стереотип определяется как «устойчивая система социальных установок человека, определяющая отношение большинства людей в данном обществе или в социальной группе к кому-либо или к чему-либо» [Давлетчина 2005]. В то же время, как пишет Г. Тэджфел, анализ стереотипов должен учитывать их существование в массовом сознании, следовательно, стереотипы связаны и с самоопределением личностей в качестве членов определенной социальной группы, т.е. с социальной идентификацией [Tajfel 1974; Tajfel, Turner 1986].

Будучи связанными между собой, социальные идентичности, ценностные установки и социаль-

ные стереотипы, как ясно и из приведенных определений, являются относительно устойчивыми представлениями и/или образами, результатом процесса социальной категоризации – фундаментального когнитивного процесса, который позволяет нам организовывать информацию об окружающем мире [Микляева, Румянцева 2008; Newstone 1996]. Таким образом, мы можем рассматривать социальные идентичности, ценностные установки и социальные стереотипы как когнитивные структуры, формирующиеся в результате социального опыта.

С другой стороны, мы знаем, что экстралингвистический опыт и процессы категоризации действительности в языковой форме фиксируются в ментальном лексиконе. Наиболее удачным нам кажется определение ментального лексикона, данное Е.С. Кубряковой: «Ментальный лексикон – система, отражающая в языковой способности знания о словах и эквивалентных им единицах, а также выполняющая сложные функции, связанные не только с указанными языковыми единицами, но и стоящими за ними структурами представления экстралингвистического (энциклопедического) знания» [Кубрякова 1996: 97]. Важными свойствами ментального лексикона, которые выделяют все его исследователи, являются следующие:

- наиболее сильные связи в ментальном лексиконе – это связи семантические, которые отражают системность знаний человека об окружающем его мире, свойственных ему закономерностях (картина мира реализуется именно в структурах ментального лексикона);
- ментальный лексикон организован вероятно;
- структура ментального лексикона динамична и зависит от многих факторов, в том числе и от социальных параметров говорящих.

Поскольку ментальный лексикон напрямую связан с картиной мира, именно там, очевидно, закладываются основные границы категорий (семантическая группировка слов в ментальном лексиконе задает границы категорий). Характер этих категорий чрезвычайно разнообразен: от конкретных понятий/концептов, типа «собака», до сложнейших научных понятий и категорий. Вообще весь человеческий опыт подвергается подведению под какие-то категории. Категории социальной жизни не исключение: они также находят свое отражение в ментальном лексиконе.

В связи с этим традиционные методы исследования социальных идентичностей, ценностных установок и социальных стереотипов – собственно социальные и психологические методы – должны быть дополнены психолингвистически-

ми и/или лингво-когнитивными. К такому способу изучения ценностных установок прибегал, например, В.Я. Шабес. «В связи с тем, что ценности представляют собой концепты, существующие в полном виде лишь в распределенной ментальной репрезентации социума, при выборе методов когнитивного исследования разумно использовать экспериментальный опыт, накопленный в психолингвистике. <...> в массовых направленных психолингвистических экспериментах в соответствии с инструкцией информанты могут эксплицировать не только механизмы своей речевой деятельности, но и имеющиеся собственные знания, опыт и оценки, необходимые для моделирования когнитивных ментальных репрезентаций» [Шабес 2011: 65]. Такой лингво-когнитивный подход к изучению социальных ценностей (и других социальных явлений и структур) позволяет обращаться не только к осознаваемым информантом социальным идентичностям и ценностным установкам, но и к подсознательным социо-когнитивным структурам.

Изучение социальных идентичностей, ценностных установок и социальных стереотипов с помощью различных видов ассоциативного эксперимента проводится коллективом Пермской школы социолингвистики. Так, в работах М.В. Гаранович с помощью направленного цепного ассоциативного эксперимента исследовались гендерные стереотипы и их речевое воплощение [Гаранович 2011].

В данной статье будут рассмотрены результаты некоторых экспериментов по выявлению социальных идентичностей и ценностных установок.

Социальные идентичности и ценностные установки могут отражаться в ментальном лексиконе различным образом: через актуализацию лексем, описывающих близкие группе представления, ценности; через приписывание положительных коннотаций дифференцирующим признакам группы и отрицательных – признакам противопоставленных групп и т.п. Но прежде всего лексические единицы, связанные с обозначением фрагментов реальности, являющихся ключевыми в социальной жизни данного человека, более активны в его внутреннем лексиконе, т.е. важные для индивида групповые идентичности и ценности должны быть актуализированы в его лексиконе. Это происходит через актуализацию семантических полей, связанных с описанием социальных групп и их признаков, а также через большую детализированность соответствующих полей.

В связи с этим нужно подбирать методики, которые позволяли бы оценить структуру акту-

альных для индивида представлений. Рассмотрим эксперименты, материал которых, на наш взгляд, дает основания делать выводы относительно социальных идентичностей и ценностных установок информантов.

В нашем исследовании социальных идентичностей и ценностей используются традиционные для психолингвистики методы: ассоциативный эксперимент в разных видах – метод по выявлению актуального лексикона, метод перечисления слов группы (оба являются подвидами ассоциативного направленного цепочечного эксперимента).

Актуальный лексикон, понятие, предложенное А.К. Агибаловым, основанное на представлениях о вероятностной организации ментального лексикона, – это базовая часть внутреннего лексикона, его наиболее частотная лексика. Методика получения актуального лексикона достаточно проста: информантов просят написать список из ста слов, которые они, по их мнению, наиболее часто используют в речи [Агибалов 1995]. Поскольку носители языка весьма адекватно оценивают частотность элементов речи

(см., например: [Вероятностное прогнозирование в речи 1971]), эта задача не составляет для них особого труда.

Второй метод – перечисление слов определенной семантической группы/категории, предложенный Е.В. Глазановой, нацелен на определение границ категории и ее структуры (ядра, периферии и т.п.). Согласно этой методике информантов просят перечислить как можно больше слов определенной семантической группы (или семантического поля). Эксперимент проводился совместно с Е.А. Пепеляевой [Ерофеева, Пепеляева 2011; Пепеляева 2011].

Информантами в экспериментах были основные национальные группы Пермского края: русские (монолингвы, 30 чел.), коми-пермяки (билингвы, 20) и татары² (билингвы, 25). Все информанты – студенты пермских вузов. Эксперименты с билингвами проводились на обоих языках (русском и родном), при этом сначала билингвы опрашивались на родном языке, затем (не ранее чем через месяц) на русском.

Всего в разных экспериментах было получено 17 117 реакции (см. табл. 1).

Таблица 1

Материал исследования

Информанты	Кол-во информантов, чел.	Метод	Кол-во реакций
Русские	30	актуальный лексикон	2994
	48	перечисление	4880
Коми-пермяки	20	коми-пермяцкий актуальный лексикон	1993
	20	русский актуальный лексикон	1958
Татары	25	татарский актуальный лексикон	2500
	28	русский актуальный лексикон	2792

Предмет исследования в данной работе – структура лексико-семантического поля (ЛСП) «Человек» в ментальных лексиконах русских (на русском языке), коми-пермяков (на коми-пермяцком и русском языках) и татар (на татарском и русском языках). В качестве реализации ЛСП поля «Человек» принимались все реакции, представляющие собой всевозможные названия человека по любым основаниям.

ЛСП «Человек» было выбрано для анализа неслучайно. Семантическому пространству, описывающему человека, традиционно много внимания уделяется в тех отраслях лингвистики, которые занимаются живой речью (в диалектологии, при исследовании разговорной литературной речи, просторечия и т.п.), поскольку слова данного семантического поля составляют значи-

тельную долю лексикона и оказываются диагностическими во многих случаях, в том числе и при исследовании национального языкового сознания (см., например: [Замалетдинов, 2004]). Структура семантического поля «Человек» может рассматриваться как рефлексия языкового коллектива, направленная на себя самого.

Социальные идентичности и ценностные установки, соответственно, также больше всего связаны с описанием человека.

Рассмотрим сначала результаты эксперимента по выявлению актуального лексикона русских.

Из общего словника актуального лексикона выбирались все слова, которые могут называть человека. Оказалось, что в лексиконе русских такие слова составляют 10,9% выборки (327 словопотреблений) и 10,1% словника (118 неповтора-

ющихся слов). Далее эти слова классифицировались по следующим тематическим группам: «Социальные отношения», «Родственные отношения», «Характеристика», «Половозрастные признаки», «Межличностные отношения», «Национальность», «Личные имена», «Местоимения»,

«Части тела», «Обобщенные наименования человека». Объем (в процентах относительно общего объема ЛСП «Человек») и количественное разнообразие (в процентах относительно общего количества разных слов в словнике) тематических групп можно видеть на рисунке 1.

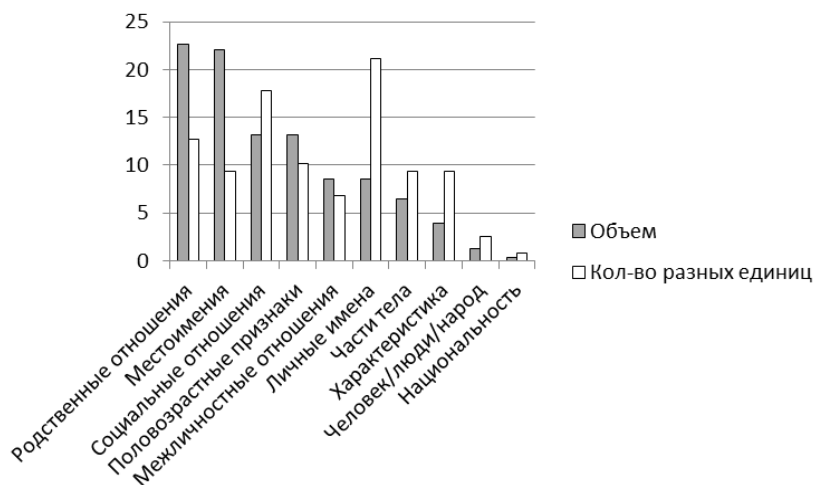


Рис. 1. Объем тематических групп и количество разных единиц в группах ЛСП «Человек» у русских информантов при выявлении актуального лексикона

Как видно из рисунка 1, при выявлении актуального лексикона самыми крупными по объему оказываются подгруппы «Родственные отношения» и «Местоимения». Далее следуют социальные отношения и половозрастные признаки (тоже один из групповых параметров). По количеству разных единиц наиболее крупными являются группы «Личные имена» и «Социальные отношения», далее идут «Родственные отношения». Объем и разнообразие этих единиц позволяет предположить, что они являются ядром идентичности.

В эксперименте на перечисление информанты (русские студенты) называют не только существительные и местоимения, т.е. слова, называющие человека, но и прилагательные и даже глаголы, которые характеризуют его и его типичную деятельность. Слова, полученные в данном эксперименте, классифицировались по тем же тематическим группам. На рисунке 2 приведено сопоставление объемов тематических групп, полученных в эксперименте по выявлению актуального лексикона и в эксперименте на перечисление.

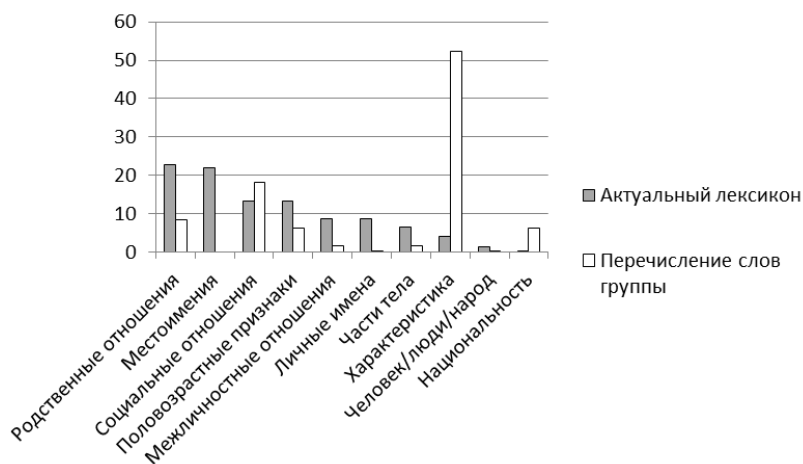


Рис. 2. Объем тематических групп ЛСП «Человек» у русских информантов в эксперименте по выявлению актуального лексикона и в эксперименте на перечисление

Как видим, при применении разных методик обращения к ментальному лексикону объемы групп не совпадают. Условия эксперимента меняют картину. В эксперименте на выявление актуального лексикона информанты ориентируются на речь и на частоты единиц в речи: отсюда большое количество местоимений и личных имен. При перечислении слов идет опора на поиск внутри одного семантического поля и актуализируются, на первый взгляд, совсем другие подгруппы. Самой крупной является подгруппа «Характеристика» – это характеристика человека через его внешние и психологические особенности,

типа: *хромой, высокий, блондин, кудрявый, толстый, больной, внимательный, грубый, дружелюбный, талантливый* и т.п., а «социальные отношения» стабильно остаются на втором месте.

Если посмотреть на разнообразие групп в разных экспериментах, то мы увидим те же самые закономерности: здесь только 2 группы («Характеристика» и «Социальные отношения») оказываются достаточно вариативными (см. рис. 3).

Ранги наиболее важных тематических подгрупп в разных экспериментах показаны в таблице 3.

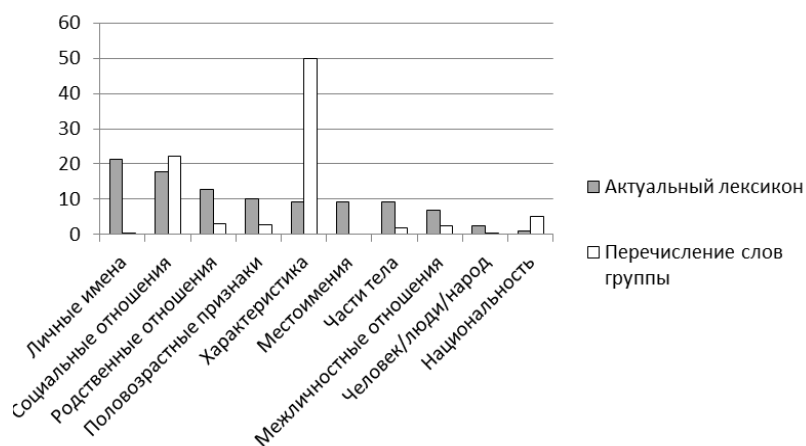


Рис. 3. Количество разных единиц в тематических групп в разных экспериментах

Таблица 3

Ранги тематических подгрупп по результатам разных экспериментов

Ранг	Актуальный лексикон		Перечисление слов	
	Объем	Кол-во разных единиц	Объем	Кол-во разных единиц
1	Родственные отношения Местоимения	Личные имена	Характеристика	Характеристика
2	Социальные отношения Половозрастные признаки	Социальные отношения	Социальные отношения	Социальные отношения
3	Межличностные отношения Личные имена	Родственные отношения Местоимения Половозрастные признаки	Родственные отношения	Национальность

Мы видим, что актуализируются и детализируются в обоих случаях подгруппы, связанные социальными параметрами человека (социальные отношения, половозрастные признаки, национальность), личной сферой (родственные отношения, личные имена, межличностные отношения) и оценкой человека (тоже личностный па-

раметр). При этом в обоих случаях личная сфера выходит на первый план, а социальная занимает второе место, только в эксперименте с актуальным лексиконом личная сфера «я»-идентичность выстраивается с опорой на речевую деятельность, на отражение речевых ситуаций, а в экс-

перименте с перечислением она опирается на оценку человека через характеристики.

Это довольно любопытный результат, и он повторяется в других наших экспериментах с русскими испытуемыми: личное пространство и ориентированность на себя, а также эмоционально-оценочное отношение к действительности проявляется у русских и в ассоциативных экспериментах, и в экспериментах на наивное толкование слов [Ерофеева 2012]. Однако социальные аспекты жизни также достаточно важны для русских испытуемых: они довольно часто обращаются к описанию различных социальных характеристик.

Таким образом, хотя мы получаем на первый взгляд разные результаты, тем не менее их «глубинная структура» оказывается довольно схожей, т.е. устойчивой, а значит, мы имеем дело с существенными характеристиками лексикона, которые можно объяснить как проявление ценностных установок, а через них – идентичностей.

Сопоставим теперь, как это семантическое поле представлено в актуальных лексиконах разных национальностей. В таблице 4 и на рисунке 4 представлены объемы тематических групп и количество в них разных единиц в материале, полученном при эксперименте по выявлению актуального лексикона на разных языках.

Таблица 4

ЛСП «Человек» в коми-пермяцком, татарском и русском актуальных лексиконах, %

Тематическая группа	Информанты					
	Коми-пермяки (20 чел.)		Татары (25 чел.)		Русские (30 чел.)	
	Объем	Кол-во разных единиц	Объем	Кол-во разных единиц	Объем	Кол-во разных единиц
Социальные отношения	2,51	5,13	14,09	24,44	13,15	17,80
<i>Профессиональная деятельность</i>	2,23	5,13	7,16	11,85	7,95	7,63
<i>Социальный статус</i>	0,00	0,00	3,00	8,15	4,59	9,32
<i>Социальная роль</i>	0,28	1,28	2,77	2,22	0,61	0,85
<i>Принадлежность к группе</i>	0,00	0,00	1,15	2,22	0,00	0,00
Родственные отношения	12,01	17,95	27,94	26,67	22,63	12,71
Характеристика	1,40	2,56	3,46	6,67	3,98	9,32
Половозрастные признаки	12,01	7,69	14,78	14,81	13,15	10,17
Межличностные отношения	0,00	0,00	5,31	3,70	8,56	6,78
Национальность	0,00	0,00	0,23	0,74	0,31	0,85
Личные имена	0,00	0,00	0,00	0,00	8,56	21,19
Местоимения	9,50	7,69	2,54	4,44	22,02	9,32
Части тела	59,50	55,13	26,79	19,26	6,42	9,32
Человек/люди/народ	3,07	2,56	4,85	2,96	1,22	2,54
ВСЕГО	358	78	433	135	327	118

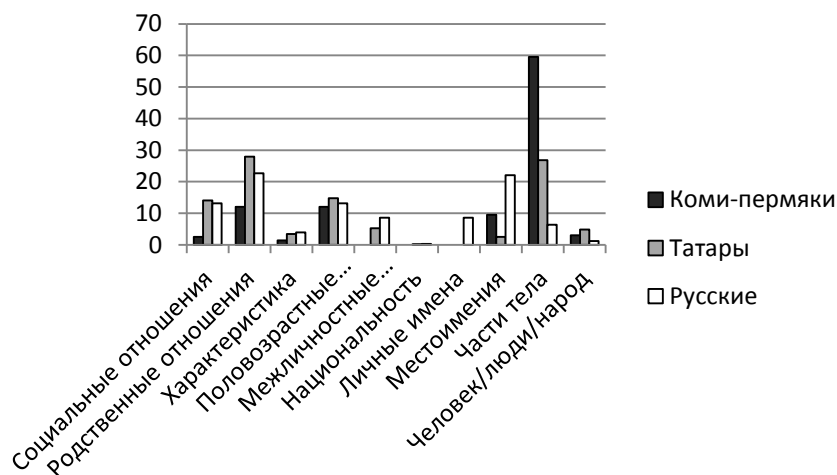


Рис. 4. Объем тематических групп в экспериментах по выявлению актуального лексикона на разных языках

Как видим, подгруппы поля «Человек» в лексиконах на разных языках представлены неодинаково.

Для коми-пермяцкого языка наиболее важной оказывается группа «Части тела» (60% от всей подгруппы), также достаточно часто встречаются слова из групп «Родственные отношения» и «Половозрастные признаки». Социальные отношения почти не актуализированы.

Для татарского языка важными оказываются группы «Родственные отношения», «Части тела»; далее идут «Половозрастные признаки» и «Социальные отношения».

О русском лексиконе уже говорилось выше.

Итак, для всех информантов важны родственные отношения и половозрастные признаки – это базовые, очевидно, категории самоидентификации и восприятия другого: мы прежде всего оцениваем человека с точки зрения оппозиции «свой–чужой» (принадлежит тому же роду/семье или нет) и с точки зрения его половозрастного статуса в социуме (старый–молодой, мужчина–женщина).

Очень важна также качественная наполненность группы, которая, к сожалению, не может быть здесь рассмотрена из-за объема статьи, но которая обсуждается в работах [Ерофеева 2011; Ерофеева, Худякова 2012 и др.]. Объем и наполняемость ЛСГ в актуальном лексиконе позволяют сделать определенные выводы о социальной идентичности информантов.

Наиболее актуальным для сознания коми-пермяков является осмысление человека как биологического существа, части природы. Социальные связи в лексиконе зафиксированы слабо и не являются актуальными. Социальные идентификации реализуются через идентификацию с семьей и социально-биологическими половозрастными группами.

Для татар также свойственна ориентация на биологические свойства и качества человека, однако с ней конкурирует социальная (семейная, профессиональная и ролевая) идентификация. Актуальный лексикон в целом отражает важность иерархических социальных отношений: татары идентифицируют себя с большой разветвленной иерархически организованной семьей и с социальной группой, в которую они входят, при этом наблюдается ориентация на высокое положение в социуме, профессиональный статус человека, а также опора на чужой опыт и престиж пожилого поколения. Половозрастные характеристики активно переосмысляются татарами в социальном аспекте.

Для русских более всего важна идентификация с малой семьей; социальная идентификация

у них происходит прежде всего через личный социальный опыт и личные отношения.

Схематически идентичности, проявляющиеся в актуальных лексиконах русских, коми-пермяков и татар, можно представить следующим образом:

РУССКИЕ

биологическое ↔ психологическое
индивидуальное ↔ социальное

КОМИ-ПЕРМЯКИ

биологическое ↔ психологическое
индивидуальное ↔ социальное

ТАТАРЫ

биологическое ↔ психологическое
индивидуальное ↔ социальное

Однако в ситуации с билингвами встает еще один важный вопрос: как реализуются идентичности в подлексиконах на разных языках? Влияет ли язык на выражение ценностных установок?

Сопоставим общую структуру поля «Человек» у билингвов на родном и русском языках.

В таблице 5 и на рисунке 5 представлены количественные характеристики тематических групп ЛСП «Человек» в актуальных лексиконах коми-пермяков на русском и коми-пермяцком языках. Данные показывают, что в русском лексиконе значительно активизируется социальная сфера и, наоборот, падает роль группы «Части тела» – биологической составляющей; при этом несколько возрастает доля группы «Характеристика». Это естественно, поскольку коми-пермяцкий язык часто не имеет терминов для обозначения современных социальных отношений и общение в официальной среде происходит у билингвов в основном на русском языке.

У татар наблюдаются почти те же самые иные тенденции: возрастает роль социальных характеристик и оценочных характеристик, но падает роль частей тела (см. табл. 6 и рис. 6). Кроме того, на фоне татарского лексикона в русском падает роль родственных отношений и половозрастных признаков.

Таким образом, язык влияет на актуализацию идентичностей; влияние русского языка сказывается на усилении социальных идентичностей, связанных с тем, что именно русский язык обслуживает официальную сферу. Под влиянием русского языка актуализация идентичностей перестраивается следующим образом:

КОМИ-ПЕРМЯКИ

биологическое ↔ психологическое
индивидуальное ↔ социальное

ТАТАРЫ

биологическое ↔ психологическое
индивидуальное ↔ социальное

Таблица 5

ЛСП «Человек» в коми-пермяцком и русском актуальных лексиконах коми-пермяков, %

Тематическая группа	Коми-пермяки			
	Коми-пермяцкий словарь		Русский словарь	
	Объем	Кол-во разн. ед.	Объем	Кол-во разн. ед.
Социальные отношения	2,51	5,13	26,46	35,65
<i>Профессиональная деятельность</i>	2,23	5,13	17,99	22,61
<i>Социальный статус</i>	0,00	0,00	7,41	11,30
<i>Социальная роль</i>	0,28	1,28	1,06	1,74
<i>Принадлежность к группе</i>	0,00	0,00	0,00	0,00
Родственные отношения	12,01	17,95	12,17	6,96
Характеристика	1,40	2,56	8,99	12,17
Половозрастные признаки	12,01	7,69	8,47	7,83
Межличностные отношения	0,00	0,00	5,82	6,09
Национальность	0,00	0,00	1,59	2,61
Личные имена	0,00	0,00	1,06	1,74
Местоимения	9,50	7,69	10,58	6,09
Части тела	59,50	55,13	21,16	19,13
Человек/люди/народ	3,07	2,56	3,70	1,74
ВСЕГО	358	78	189	115

Таблица 6

ЛСП «Человек» в татарском и русском актуальных лексиконах татар, %

Тематическая группа	Татары			
	Татарский словарь		Русский словарь	
	Объем	Кол-во разн. ед.	Объем	Кол-во разн. ед.
Социальные отношения	14,09	24,44	46,29	53,04
<i>Профессиональная деятельность</i>	7,16	11,85	23,15	28,74
<i>Социальный статус</i>	3,00	8,15	18,40	19,03
<i>Социальная роль</i>	2,77	2,22	3,56	4,05
<i>Принадлежность к группе</i>	1,15	2,22	1,19	1,21
Родственные отношения	27,94	26,67	13,35	14,98
Характеристика	3,46	6,67	10,09	11,74
Половозрастные признаки	14,78	14,81	3,86	4,45
Межличностные отношения	5,31	3,70	3,86	2,83
Национальность	0,23	0,74	1,19	1,62
Личные имена	0,00	0,00	0,59	0,81
Местоимения	2,54	4,44	0,59	0,81
Части тела	26,79	19,26	9,79	7,69
Человек/люди/народ	4,85	2,96	2,67	2,02
ВСЕГО	433	135	337	247

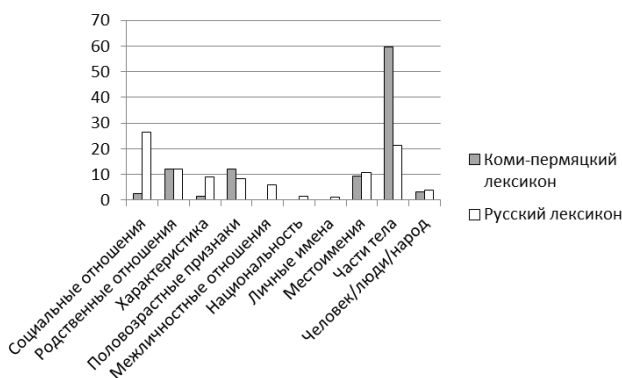


Рис. 5. Объем тематических групп в актуальных лексиконах коми-пермяков на коми-пермяцком и русском языках

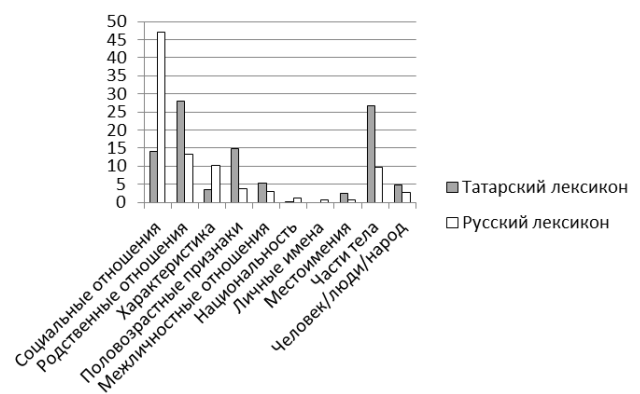


Рис. 6. Объем тематических групп в актуальных лексиконах татар на татарском и русском языках

Кроме того, язык влияет и на структуру ценностных установок. Покажем это на примере ценности «страна».

Реализацией ценности «страна» в актуальном лексиконе считались упоминания различных стран, их частей, свойств и атрибутов, включая политическое устройство, а также названий городов и наименований людей по месту жительства (в том случае, если оно не совпадает с национальностью) и по политическим убеждениям.

Оказалось, что в коми-пермяцком лексиконе ценность «страна» никак не актуализирована (не встретилось ни одной лексемы, которая бы называла страны или их части). Очевидно, что для коми-пермяцкого национального языкового сознания эти представления вообще не являются ценностью (даже сами слова *страна*, *город*, *деревня* заимствованы коми-пермяками из русского языка, хотя в коми-пермяцком и есть слово *кар* 'город, населенный пункт'). Все подобные идеи транслируются через русский лексикон, в котором в общей сложности слова этой группы реализованы 28 раз (20 разных слов).

Татары актуализируют ценность «страна» значительно чаще коми-пермяков и в обоих лексиконах. В татарском лексиконе единицы, связанные с обозначением стран и их частей, упоминаются 34 раза (из них – 11 разных слов), а в русском – 97 раз (из них – 64 разных слова).

Описывая реакции, характерные для реализации такой ценности, как страна, целесообразно разделить их на три типа: 1) общие понятия, 2) своя страна и ее реалии, 3) чужие страны и их реалии. Первая группа показывает внимание к делению на страны как таковые; вторая на актуальность осознания себя гражданином своей

страны и того, что именно в ней оказывается важным для информантов (в эту группу вошли также обобщенные слова, называющие населенные пункты, так как мы полагаем, что в первую очередь такого рода реакции направлены на собственное место проживания); третья группа, в которую вошли названия других стран, выявляет, на фоне каких противопоставлений формируется образ собственной страны.

В таблице 7 представлены лексемы, которые актуализируют общие понятия, относящиеся к ценности «страна».

Как видно из таблицы, общие понятия встречаются у коми-пермяков всего 5 раз, причем во всех случаях это единичные реакции.

Реакции, данные татарами на татарском языке, очень абстрактные: татары называют в качестве обобщенных реакций страну и государство (всего 3 реакции). Что касается русского лексикона татар, то здесь прежде всего стоит отметить большее количество обобщенных понятий (45 упоминаний), среди которых весьма активно представлены понятия гражданско-политической направленности (*государство*, *гражданство*, *гражданское*, *республика*, *держава*, *консерватор*, *демократ* и др.). Нужно отметить, что различные особенности государственного устройства и политической жизни представлены в русском лексиконе татар весьма детализировано и многоаспектно. Кроме того, в отличие от коми-пермяков, татары включили в этот список символы государства (*герб*, *гимн*, *флаг*).

В таблице 8 представлены единицы, актуализирующие представления о своей стране и ее реалиях.

Таблица 7

Актуализация ценности «страна» в актуальных лексиконах: общие понятия

Коми-пермяки	Татары	
Русский лексикон	Татарский лексикон	Русский лексикон
выборы (1) государство (1) закон (1) президент (1) страна (1) экономический район (1)	ил 'страна' (2) дәүләт 'государство' (1)	флаг (4) партия (3) страна (3) государство (2) гражданство (2) депутат (2) население (2) парламент (2) паспорт (2) президент (2) республика (2) власть (1) выборы (1) герб (1) гимн (1)
		гражданское (1) демократ (1) депутатский (1) держава (1) закон (1) консерватор (1) министр (1) мэр (1) патриот (1) политик (1) посол (1) премьер-министр (1) революция (1) сенатор (1) спецслужба (1)

Таблица 8

Актуализация ценности «страна» в актуальных лексиконах: своя страна и ее реалии

Коми-пермяки	Татары	
Русский лексикон	Татарский лексикон	Русский лексикон
<i>город</i> (7)	<i>авыл</i> 'деревня' (11)	<i>город(а)</i> (7) <i>Москва</i> (1)
<i>деревня</i> (2)	<i>шәһәр</i> 'город' (8)	<i>Россия</i> (4) <i>область</i> (1)
<i>село</i> (2)	<i>ватан</i> 'отчизна, родина' (3)	<i>деревня</i> (3) <i>пионер</i> (1)
<i>аул</i> (1)	<i>якташ</i> 'земляк' (3)	<i>городской</i> (2) <i>районный</i> (1)
<i>зона</i> (1)	<i>кала</i> 'город' (2)	<i>край</i> (2) <i>родина</i> (1)
<i>Москва</i> (1)	<i>ватандаш</i> 'соотечественник' (1)	<i>село</i> (2) <i>российская</i> (1)
<i>пригород</i> (1)	<i>Мәскәү</i> 'Москва' (1)	<i>столица</i> (2) <i>россиянин</i> (1)
<i>родина</i> (1)	<i>шәһәр бистәсе</i> 'пригород' (1)	<i>Башкирия</i> (1) <i>Сибирь</i> (1)
<i>столица</i> (1)		<i>земляки</i> (1) <i>столичный</i> (1)
<i>Чечня</i> (1)		<i>Казань</i> (1) <i>Татарстан</i> (1)
<i>Чиркунов</i> (1)		<i>комиссар</i> (1) <i>Урал</i> (1)
		<i>комсомол</i> (1)

Таблица 9

Актуализация ценности «страна» в актуальных лексиконах: чужие страны и их реалии

Коми-пермяки	Татары
Русский лексикон	Русский лексикон
<i>Америка</i> (1)	<i>Америка</i> (2)
<i>американцы</i> (1)	<i>Лувр</i> (2)
<i>заграница</i> (1)	<i>Париж</i> (2)
	<i>зарубежный</i> (1)
	<i>майдан</i> (1)
	<i>пирамида</i> (1)
	<i>Рига</i> (1)
	<i>Рио-де-Жанейро</i> (1)
	<i>Япония</i> (1)

Называя реалии своей страны, коми-пермяки не дают конкретных названий (кроме *Москва*, *Чечня*), и разделение России на части выгладит скорее как вычленение «своей» территории (*город*, *деревня*, *село*, *пригород*, *зона*, *Чиркунов*), центра (*столица*, *Москва* – 2 реакции) и Чечни как «чужой» зона внутри страны (всего 19 реакций). Отметим, что хотя коми-пермяки имеют свою административно-территориальную единицу в составе Пермского края – Коми-пермяцкий национальный округ, в их реакциях никак не актуализированы связи с автономией: все полученные единицы касаются общих для страны и края наименований и даны, как уже подчеркивалось, только на русском языке.

У татар в татарском лексиконе внутреннее пространство страны маркировано только своим местом проживания и центром (реакций, описывающих «свою страну», – 30, что значительно превышает объемы этой группы и у коми-пермяков). Здесь уже не присутствует вычленение «чужой» зоны внутри страны (возможно, потому что носители ислама не воспринимают иные исламские территории как враждебные). Существенными отличиями татарского лексико-

на являются включение в список реакций слов *ватандыш* 'соотечественник' и *якташ* 'земляк'.

В русском лексиконе татар «своя страна» актуализируется чаще, чем в татарском и весьма разнообразно. Описание своей страны включает, помимо собственного места жительства и центра, еще и те части, где живут татары или близкие им башкиры (*Башкирия*, *Казань*, *Татарстан*), а также Сибирь, как одну из наиболее крупных частей России (где проживает довольно большое количество татар). Россия как страна в целом также представлена большим количеством реакций (*Россия*, *российская*, *россиянин*). Интересно, что в данном случае в лексиконе фиксируются названия общественно-политических явлений, характерных для советского периода нашей страны (*комиссар*, *комсомол*, *пионер*⁴). В целом объем этой группы составляет 39 реакций.

Реакции, актуализирующие противопоставление своей страны другим (в мировом контексте), представлены в таблице 9.

Как видно из таблицы 9, у коми-пермяков «чужое» пространство расчленяется весьма обобщенно: в реакциях представлены только *Америка*, *американцы* (очевидно, осмысляемые

как наиболее противопоставленные) и *заграница* вообще.

Важным фактом можно считать отсутствие группы «чужое» в татарском словнике: противопоставление своей страны другим актуализировано только в русском лексиконе. Что касается реакций, репрезентирующих иные страны, то в русском лексиконе татар они оказались наиболее разнообразны: здесь представлены города, страны и достопримечательности разных частей света, в том числе Южной Америки и Азии.

Вероятно, реализация противопоставления «своя страна – чужая страна» только в русском словнике российских билингвов может свидетельствовать о том, что информанты в этом контексте идентифицируют себя прежде всего как граждане страны; в то же время расчленение своей страны на части (оппозиция «своя территория – чужая территория») показывает, что здесь на первое место выходит идентификация с татарско-башкирской этнической группой у татар, и с русским этносом у коми-пермяков.

* * *

Таким образом, структура ценности оказывается разной в зависимости от группы информантов и языка репрезентации: ценностный концепт состоит из разных составляющих, строится на актуализации разных смысловых компонентов. В отличие от русских, татары включают в него не просто понятия «место» и «люди», но и гражданско-политическое устройство. Образ родной страны представлен у разных групп информантов актуализацией различных ее частей. Язык влияет у коми-пермяков не просто на актуализацию и включение разных компонентов в ценностный концепт, но и на само наличие/отсутствие концепта; у татар язык оказывает влияние на наличие/отсутствие противопоставления другим странам и видение страны в мировом контексте.

Изучение актуализации языковых единиц, репрезентирующих социальные структуры в ментальном лексиконе, на наш взгляд, является методом, с помощью которого можно получить интересные и значимые данные о структуре и иерархии социальных идентичностей и ценностей. Анализ единиц актуального лексикона позволяет вскрыть глубинное устройство системы социальных категорий.

Примечания

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ № 13-14-59004 и № 14-06-00301.

² Под наименованием «татары» здесь и далее имеется в виду обобщенная группа татар и баш-

кир: эти этнические группы в Пермском крае близки и по культуре и по языку: информанты-башкиры, идентифицируя себя как башкир, говорят на татарском языке.

³ Проценты здесь и далее рассчитывались исходя из общего объема ЛСП «Человек» в каждом из лексиконов.

⁴ Реакции типа *пионер*, *комсомолец* включены в группу «своя страна», а не в группу «общие понятия», потому что, хотя они и называют политические явления, эти политические явления характерны именно для России и ее политической истории.

Список литературы

Агибалов А.К. Вероятностная организация внутреннего лексикона человека: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995. 18 с.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

Вероятностное прогнозирование в речи / под ред. Р.М. Фрумкиной. М.: Наука, 1971. 199 с.

Гаранович М.В. Вариативность гендерных стереотипов в зависимости от социальных параметров говорящих: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2011. 24 с.

Давлетчина С.Б. Словарь по конфликтологии. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2005. 100 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/975> (дата обращения: 17.04.2014).

Джерджен К.Дж. Движение социального конструкционизма в современной психологии // Социальная психология: саморефлексия маргинальности: хрестоматия / ред.-сост. Е.В. Якимова. М.: ИНИОН РАН, 1995. С. 51–73.

Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь: в 2-х т. М.: АСТ, Вече, 1999. Т. 1. 544 с., Т. 2. 528 с.

Замалетдинов Р.Р. Национально-языковая картина татарского мира: дис. ... докт. филол. наук. Казань, 2004. 499 с.

Ерофеева Е.В. Соотношение обыденных толковых и ассоциативных полей слов // Обыденно-метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллект. моногр. / отв. ред. Н.Д. Голев; Кемеров. гос. ун-т. Кемерово, 2012. Ч. 4. С. 64–74.

Ерофеева Е.В. Групповая идентичность и ее отражение во внутреннем лексиконе // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. Вып. 1. С. 91–96.

Ерофеева Е.В., Пеняева Е.А. Структура семантического поля «Человек» в сознании носителей русского языка // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология: науч. журн. 2011. Вып. 1(13). С. 7–19.

Ерофеева Е.В., Худякова Е.С. Психолингвистическое исследование ценностных установок билингвов (на материале тематической группы «Человек») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 2(18). С. 7–16.

Кубрякова Е.С. Ментальный лексикон // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. С. 97–99.

Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.

Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 2007. 794 с.

Микляева А.В., Румянцева П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. 118 с.

Пепеляева Е.А. Структура лексико-семантического поля «человек» в ментальном лексиконе: экспериментальное исследование: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2011. 316 с.

Стефаненко Т.Б. Стереотипы социальные // Энциклопедия Кругосвет: универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/STEREOTIPI_SOTSIALNIE.html?page=0,2 (дата обращения: 17.04.2014).

Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ: теория и метод. Харьков: Гуманитарный Центр, 2004.

Харре Р. Метафизика и методология: некоторые рекомендации для социально-психологического исследования // Социальная психология: саморефлексия маргинальности: хрестоматия / ред.-сост. Е.В. Якимова. М.: ИНИОН РАН, 1995. С. 74–91.

Шабес В.Я. Континуально-дискретная репрезентация ценностных концептов // Проблемы социо- и психолингвистики. Пермь, 2011. Вып. 15: Пермская социопсихолингвистическая школа: идеи трех поколений: к 70-летию А.С. Штерн. С. 46–74.

Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры. М.: ОГИ, 2004. 286 с.

Якимова Е.В. Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы: науч.-аналит. обзор. М.: ИНИОН, 1999. 115 с.

Apte M.N. Stereotype and Social attitudes // Concise encyclopedia of sociolinguistics / ed. R. Meschrie. Oxford, Elsevier, 2001. P. 608–610.

Gergen K.J. Realities and relationships: soundings in social construction. Cambridge; L., 1994. 356 p.

Greenwood G.D. Explanation and experiment: In social psychological sciences: realism and the social constitution of action. N.Y.; L., 1989. 264 p.

Hewstone M. Contact and categorization: social psychological interventions to change intergroup relations // Stereotypes and stereotyping / ed. by C.N. Macrae, C. Stantor, M. Hewstone. N.Y.; London: Guilford Press, 1996.

Tajfel H. Social identity and intergroup behavior // Social Science Information. 1974. V. 13. P. 65–93.

Tajfel H. Social stereotypes and social groups // Intergroup behaviour / ed. by J.C. Turner, H. Giles. Oxford: Basil Blackwell, 1981.

Tajfel H., Turner J. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // The Psychology of Intergroup Relations / eds. S. Worchel, W.G. Austin. Chicago, IL: Nelson-Hall, 1986. Pp. 7–24

Texts of identity / ed. by Shotter J., Gergen K.J. L., 1989. XI. 244 p.

NON-SOCIOLOGICAL RESEARCH OF SOCIAL IDENTITIES AND VALUES: THEORETICAL GROUNDS, RESEARCH METHODS, LANGUAGE

Elena V. Erofeeva

**Head of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University**

The paper discusses linguistic methods used by sociologists for studying such social structures as identities and values. Methodological approaches of resort in sociolinguistic studies to investigating linguistic consciousness, mental lexicon in particular, alongside with discourse analysis are justified. The example of the mental lexicon analysis of the three groups of informants – the Russians, the Komi-Permyaks and the Tartars – proves that mental lexicon reflects social values and identities. The problem of the language influence on bilingual social values' reconstruction is discussed.

Key words: social identities; social values; research methods; mental lexicon; actual lexicon; bilingualism; the Russians; the Komi-Permyaks; the Tartars.